

О. Ю. Малинова-Тзиафета

Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 — первая половина 1930-х гг.)

Малинова-Тзиафета

Ольга Юрьевна

канд. ист. наук, науч.
сотр., Университет
Фридриха —
Александра
в Эрлангене
и Нюрнберге
(Германия)

Финансирование

Исследование
проводилось
при поддержке
германского фонда
Die Deutsche
Forschungsgemein-
schaft (DFG)

Взаимоотношения между руководством промышленного предприятия и его сотрудниками в 1920-х — первой половине 1930-х гг. были в своем роде уникальными, однако же политика в отношении «бывших» (людей, по рождению или роду занятий при царском режиме принадлежавших к привилегированным слоям населения) в целом была жесткой. Для исследования этой темы в качестве примера выбрано коммунальное хозяйство Ленинграда, а точнее — его отделы, занимавшиеся водным хозяйством — водопроводом и канализацией. Интерес к этому сегменту городской инфраструктуры обусловлен тем, что обе системы относились к символам модерна XIX — начала XX в. во всем мире. Они были важной частью высокотехнологичной городской инфраструктуры¹, так как обещали победу над заразными болезнями². Первенство, как известно, принадлежало Лондону и Парижу³, в то время как города Германии, Австрии, Италии и России — в первую очередь Петербург, ее столица, выступали в числе отстающих⁴. К масштабному строительству канализации в Ленинграде приступили лишь в 1920-х гг. Успешный результат проекта должен был, как и в других странах, свидетельствовать о хорошей работе властей и обеспечить поддержку среди горожан⁵, — а промедления скорее дискредитировали и коммунальное хозяйство города, и — в случае СССР — новый общественный порядок. Исключение «бывших» из рабочего процесса в целом описано историками⁶, в частности — в монографии С. А. Чуйкиной, однако скорее со стороны самих «бывших», так как базируется в основном на биографических интервью⁷.

Несомненно, исключение «бывших» было не только вопиющей несправедливостью по отношению к людям, но и наносило ущерб экономике — прежде всего ввиду острого дефицита квалифицированных кадров на рынке труда Ленинграда в 1920–1930-х гг. При этом, когда в современной исторической литературе речь заходит о тех или иных решениях большевиков, касающихся экономики, авторы крайне редко исследуют их мотивы, чаще ссылаясь лишь на избыточную идеологизированность советского руководства⁸. Между тем такое объяснение вовсе не является исчерпывающим для понимания рычагов управления инфраструктурами, а также рабочих отношений внутри организации, проводящей в жизнь технические и социальные запросы модерна. Стремление понять мотивы «чисток» в коммунальном хозяйстве и обстоятельства их проведения ни в коем случае не ведет к оправданию репрессий. Цель данной статьи — выявить особенности некоторых рычагов управления водными инфраструктурами в Ленинграде, в частности то, как современники обосновывали необходимость таких действий.

До сих пор социальная сторона истории водных инфраструктур была мало изучена как на материале Ленинграда, так и других городов СССР⁹, хотя сама история канализации и водопровода как технических систем привлекала внимание историков¹⁰. В данном случае внимание сфокусировано на тресте «Водоканализация», занимавшемся проектированием, строительством, эксплуатацией и ремонтом водопровода и канализации. Собственно, трестом он стал лишь в 1931 г., когда решено было объединить все водопроводные, водоочистные и канализационные станции Ленинграда, а также управление канализацией и водопроводом. Трестом заведовала Управляющая контора, ей подчинялись все отделы, необходимые для работы этой обширной структуры (юрисконсульт, финансовый отдел и пр.), а также проектные отделы водопровода и канализации¹¹. Нужно сказать, что строительство городской инфраструктуры может выглядеть в целом несколько более позитивно, нежели история Большого террора, ГУЛАГа или коллективизации. Тем не менее эта сторона сталинизма также нуждается в исследовании, в противном случае невозможно объяснить ни важные социальные процессы в городской истории 1920–1930-х гг., ни доверие к коммунистической власти, что владела большинством населения страны и, в частности, многими ленинградцами.

Источниками для работы послужили преимущественно архивные материалы, относившиеся к деятельности Секретного отдела (секретной части) в тресте, своего рода филиала ОГПУ на каждом крупном предприятии (ф. 7068 — Ленинградский коммунальный трест «Водоканализация», Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). В позднесоветский период такой отдел обычно называли Первым отделом, в настоящее время — режимно-секретным отделом. Историки Ю. Фельштинский и В. Прибыловский связывают их повсеместное внедрение на постсоветские предприятия с необходимостью трудоустроить офицеров КГБ — ФСБ, которые становились там как бы «шпионами КГБ»¹², однако в действительности такие сотрудники появились на предприятиях еще в 1920-х гг. (в Управлении канализации — с 1927 г.) и уже тогда они выполняли самые разные функции. Деятельность

этой структуры крайне редко анализировалась в контексте городской истории и истории инфраструктуры сталинского периода¹³ — во многом ввиду того, что эти относительно молодые дисциплины привлекли внимание историков лишь в последние два десятилетия. Безусловно, отношения между работодателем и работниками регулировались не только и не столько Секретным отделом. Для этого существовали партийный комитет, комсомольское собрание, местком, профсоюзное собрание, товарищеский суд, а также комиссии исполкома Ленсовета. Секретный отдел был скорее контролирующей инстанцией: в его функции входили непосредственная связь с ОГПУ — НКВД, проверка кадров, установление причин простоя и других проблем на производстве — одним словом, он решал самые разнообразные проблемы принципиально новой государственной структуры коммунального хозяйства, которая призвана была отвечать на вызовы своего времени, а заодно и решать накопившиеся проблемы дореволюционного городского хозяйства.

Разруха и коммунальные проблемы стали настоящим вызовом для большевиков уже с первых дней после Октябрьской революции. По всей стране масштаб разрушений, вызванный Гражданской войной, был таков, что историки и современники (в частности, Герберт Уэллс в 1920 г.) описывали его с помощью понятия катастрофы¹⁴ и даже полного экономического коллапса¹⁵. Наиболее острая ситуация сложилась в Петербурге — во многом потому, что еще до революции городская инфраструктура была отсталой и характеризовала российскую монархию далеко не с лучшей стороны. Действительно, в других городах империи, в частности — Москве и Варшаве, уже имелась современная коллекторная канализация — наиболее сложный и дорогостоящий проект своего времени¹⁶. Однако Северная столица с ее сложными топографическими условиями местности и недостаточно четкой работой Городской думы демонстрировала самый печальный пример российской отсталости. Дореволюционные власти не смогли решить позитивно ни острейший жилищный кризис¹⁷, ни отремонтировать дорожное покрытие городских улиц, ни построить современную коллекторную канализацию¹⁸. Хотя Городская дума и обсуждала задачи модернизации городского пространства на протяжении 1860–1910-х гг., многие проекты так и остались на бумаге. При этом острые общественные дискуссии на страницах петербургской прессы не утихали начиная с 1860-х гг.¹⁹, и антиросийски настроенные публицисты в Варшаве с нескрываемым удовольствием указывали на варшавскую канализацию как на передовое достижение модерна, свидетельство тяготения Польши к европейской цивилизации и ее приоритета над столицей Российской империи²⁰. Дело с ремонтом петербургских улиц, особенно окраинных, также обстояло скверно: например, ремонт дорожного покрытия был запланирован на 1911–1912 гг., но его так и не осуществили до революции. В результате к 1922 г. подгнившие деревянные трубы канализации проламывались под давлением на мостовую, образуя так называемые провалы, сильно затрудняющие движение транспорта²¹. В Отчете о деятельности коллегии Петрогубсовкомхоза (1921 г.) указывается, таким образом, на «бессилие коллегии побороть созданные жизнью крайне неблагоприятные условия, в которых протекала работа»²².

Неудивительно, что после революции городское хозяйство Петрограда стало лишь еще более запущенным, и большевикам пришлось не только приводить в порядок сразу все его отрасли, но и строить принципиально новую государственную систему коммунального хозяйства. Эта система в корне отличалась от старой, дореволюционной, — прежде всего тем, что коммунальное хозяйство, ранее находившееся в ведении городских властей, впервые стало частью органов государственного управления. Так, Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз) был непосредственно связан с Городским исполнительным комитетом и Ленсоветом, а также с секретными службами (ОГПУ — НКВД)²³. Кроме того, изменились и правовые отношения между работниками и Откомхозом. Если до революции инженеры и рабочие трудились на основе срочных договоров, то сразу же после революции рабочих, инженеров и других служащих Откомхоза уже стремились принять на работу в штат (1918 г.)²⁴.

Проблема негативного отношения к сотрудникам из числа «бывших», т. е. нежелательных элементов из числа дворян, белых офицеров, торговцев и духовенства, давно обсуждается в исторических исследованиях. Известно, что в 1920-х гг. их принимали на работу ввиду отсутствия квалифицированных кадров²⁵, а начиная с политического кризиса 1927 г. старались заменить на сотрудников из числа «социально близких» — например, в «Водоканализации» беспартийных ведущих инженеров — на выдвиженцев 1927 г.²⁶ Сфера коммунального хозяйства представляет в этом случае особенный интерес, так как в целом едва ли была работой мечты для урожденного дворянина или хорошо образованного горожанина простого звания. Разумеется, работа в Публичной библиотеке, министерствах, музеях привлекала образованных людей много больше какой-нибудь канцелярской должности. Здесь же постоянно не хватало квалифицированных специалистов: машинисток, инженеров, чертежников — и на эти вакансии охотно приглашали «бывших». По-видимому, трест «Водоканализация» был именно той тихой гаванью, где дворяне и другие лица с «плохим происхождением» могли спокойно работать вдали от пристального контроля властей. О такой стратегии выбора места работы говорит С. Чуйкина в книге о дворянах на ленинградском рынке труда²⁷. При этом официальные документы ОГПУ — НКВД, которые бы ясно аргументировали смысл увольнения «бывших» с предприятий в какой-либо определенный момент, либо недоступны ввиду секретности, либо отсутствовали вовсе.

Наступление на «бывших» в тресте «Водоканализация» началось далеко не сразу, а, судя по документам, после разгромной «Проверки выполнения постановлений Президиума ВКП(б) от 21 октября 1931 года». В 1932 г. комиссия выявила в работе организации целый ряд недоработок и признала невыполнение плана, в том числе срыв плана проектирования. Указывалось, что руководство пыталось скрыть неудовлетворительные результаты работы²⁸.

Обычного для подобного случая показательного процесса, подобного Шахтинскому делу или процессу инженеров-метростроителей²⁹, против инженеров канализации не было, так как выяснилось, что строительство ее шло медленными темпами по причине халатной работы нескольких других учреждений. Уголовное преследование было возбуждено против руководства

Треста местных стройматериалов и Ленгражданжилстроя. Их недостаточная активность привела к недопоставке материалов и промедлению со строительством жилья для рабочих «Водоканализации». Однако события эти все же имели для треста серьезные последствия. Его руководство предупредило, что за свою собственную халатность они в дальнейшем будут отвечать уже перед прокуратурой. Кроме того, началась борьба с аполитичной нейтральностью инженерно-технических работников, а также работа по установлению трудовой дисциплины. Особенно сильно комиссия критиковала проектный отдел, где, кстати, служило много «бывших». Среди важных недочетов указывалось, что в тресте отказываются готовить квалифицированные и полуквалифицированные рабочие кадры³⁰. Все это означало, что состав сотрудников должен был резко поменяться.

Секретный отдел стал работать в усиленном режиме, о чем говорит особенно пухлое архивное дело 1932 г. с его документами — оно насчитывает 300 листов, в то время как архивные дела прошлых лет состояли всего из пары десятков листов. Сотрудники отдела выявляли и проверяли неблагонадежные элементы с точки зрения происхождения, убеждений, рода занятий в прошлом и отношения к работе в настоящем. Без сомнения, это была организованная кампания: социально чуждые элементы следовало выявлять, увольнять с работы и выселять из общежития³¹, по мере возможности освобождать от должностей специалистов из дворян³², а о результатах сообщать в ОГПУ — НКВД. Однако же для смещения с руководящих позиций или увольнения обычно было недостаточно одного лишь нежелательного происхождения. Увольнению чаще всего подлежали лица, скрывшие или исказившие автобиографическую информацию: ранее осужденные специалисты, бывшие крупные собственники, судимые по статьям 58 и 59 Уголовного кодекса 1926 г. (контрреволюционные преступления)³³, бывшие белые офицеры, бывшие офицеры царской армии, иностранные подданные. При этом проверке подлежали представители национальностей, не входивших в состав так называемых титульных народов СССР (прежде всего поляки, немцы и финны)³⁴, или же представители национальностей, склонных к созданию сплоченной диаспоры, — так, внимание привлекли татары, а также армяне и грузины³⁵. За сокрытие деталей биографии следовало, кроме увольнения, еще и исключение из партии³⁶. Вероятно, таким образом Секретный отдел рассчитывал предупредить образование сплоченной группы на предприятии, которая могла бы преследовать собственные интересы в ущерб политике государства.

Полномочия Секретного отдела были изначально очень широкими, неслучайно эта структурная единица являлась представителем ОГПУ — НКВД и милиции одновременно. Она не только проверяла кадры, но и обеспечивала порядок и безопасность на объектах треста. Так, Секретный отдел отвечал за охрану территории предприятий, контролировал хранение табельного оружия (в том числе — личного)³⁷. ОГПУ, милиция и секретные отделы других предприятий присылали сюда запросы о характеристиках на бывших сотрудников, а также по поводу уточнения деталей их биографии³⁸, а далее отдел должен был самостоятельно запрашивать компетентные инстанции по месту жительства

и прежней работы граждан³⁹. В некоторых случаях проверка инициировалась и по запросу Ленсовета: например, однажды оттуда сообщили, что сторожем в тресте работает лицо, до революции владевшее домами и лошадьми⁴⁰, т. е. человек, пораженный в правах.

Кроме того, следовало выявлять лиц, которых можно было бы подозревать в совершении какого-либо серьезного правонарушения. Например, отделу сообщили, что чертежник проектного отдела Н. А. Тарасов (30 лет) во время разговоров с сослуживцами «разбрасывается деньгами»: показал целую пачку банкнот в 15 тыс. руб. и сказал, что у него на книжке есть 38 тыс. Работникам отдела надлежало расследовать инцидент, проверить род занятий Тарасова на предмет совершения им каких-либо уголовных преступлений. Также отдел подал заявление в НКВД с просьбой принять меры против банды хулиганов, что нападает на общежитие рабочих треста в поселке Бичи, причем в результате нападений уже было убито два человека (1936 г.)⁴¹. Однажды Спецотделу сообщили, что в стогу сена недалеко от Южной водопроводной станции ночуют подозрительные деклассированные элементы, причем Спецотдел предложил милиции свою деятельную помощь при облаве (1935 г.)⁴². Возможно, бродяг подозревали во вредительстве и непреднамеренном отравлении водопроводной воды — во всяком случае, опасность таких действий многократно обсуждалась в контексте охраны территории водопроводных станций⁴³. Одним словом, контроль за «бывшими» стал далеко не единственной задачей Секретного отдела. При этом совершенно неслучайно, что дела о проверке и/или увольнении сотрудников поручали этому секретному подразделению: очевидно, что подробности таких дел не подлежали ни разглашению, ни объяснению.

Итак, сотруднику едва ли сообщали о настоящих причинах увольнения, ему вполне ясно было лишь то, что его считают неподходящей кандидатурой и хотят сместить. Л. К. Чуковская в своей повести «Софья Петровна», посвященной событиям Большого террора, описала мытарства урожденной дворянки Наташи: ту упорно не принимали в комсомол и в конце концов уволили с работы. При этом ни она, ни ее подруга Софья Петровна не могли точно объяснить причин такой несправедливости⁴⁴. Дела о нежелательном происхождении сотрудника очень часто рассматривали по доносу в Секретный отдел, и результаты проверки оказывались для «бывших» неутешительными — особенно в том случае, если устанавливалось нарушение трудовой дисциплины и, главное, незаинтересованность в результате работы. Если же сотрудника характеризовали как компетентного, ценного, дисциплинированного, а замены ему из числа социально близких найти не удавалось, то руководство предприятия нередко мирилось с его нежелательным происхождением⁴⁵.

Безусловно, «бывшие» оказывались под особым прицелом, их особенно много было среди инженеров. Так, Спецбюро проверило данные прораба Н. М. Славнитского и мотивировало его увольнение (1933 г.) несколькими причинами: отсутствие законченного образования инженера, так как был отчислен из института им. Рудзутака (1931 г.) за то, что в прошлом добровольно служил в армии Колчака офицером, но при приеме на работу в «Водоканализацию» скрыл сведения о своей службе в белой армии. Наконец, партийная часть

участка, на котором он работал, потребовала его увольнения как чуждого рабочему классу элемента. Кроме того, Славнитский не проявлял на работе ни энергии, ни инициативы, как администратор был слаб, в работе не самостоятелен, работа под его руководством шла медленно, в дополнение ко всему он «создал вокруг себя группу работников из числа сыновей попов и других бывших людей»⁴⁶. Эта характеристика, безусловно, не оставляла Славнитскому ни одного шанса на продолжение карьеры. Очевидный просчет Секретного отдела здесь состоял в том, что он при приеме на работу не проверил данные его биографии сразу — однако в материалах дела нет информации о выговорах и других взысканиях по этому поводу. Ключевыми факторами для увольнения можно считать происхождение бывшего прораба, его службу у Колчака. Не последнюю роль играло и формирование кружка из «бывших», что по-человечески было вполне понятно, однако для властей таило потенциальную опасность. Другие негативные характеристики выглядят на этом фоне лишь предлогом для увольнения по политическим причинам.

Однако в те же годы увольняли и социально близких специалистов — прежде всего за недостатки в виде халатности и недисциплинированности. Приведем лишь несколько примеров. Так, решено было уволить водомерщика С. В. Иванова, проработавшего на водопроводной станции с 1919 г.: причиной послужило халатное отношение к работе и появление на производстве в нетрезвом состоянии (1935 г.)⁴⁷. По сокращению штата был уволен инженер-проектировщик В. Н. Егоров (происхождение не указано): его недостатки состояли в слабых административных навыках, безынициативности, аполитичности, недисциплинированности. Он был «сокращен при реорганизации Проектно-изыскательского отдела как работник, не представляющий большой ценности в дальнейшей работе... отдела» (1932 г.). Таким образом, мы имеем дело не только с гонениями на «бывших». Напротив, в фокусе внимания оказывается производственная дисциплина и общая надежность сотрудников — так, как ее понимало государство в лице заведующего проектно-изыскательским отделом и заместителя главного инженера, составивших характеристику для Секретного отдела⁴⁸.

Нужно сказать, что проблема трудовой дисциплины в тресте «Водоканализация», как и в других учреждениях страны, остро проявила себя еще задолго до знаменитого постановления Совнаркома «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины» (1938 г.)⁴⁹, приблизившего организацию мирного труда к военной дисциплине. Под прицелом оказались все сотрудники, не только и не столько «социально чуждые элементы», но также рабочие и служащие вполне пролетарского происхождения. При этом под отсутствием дисциплины понимали целый комплекс недочетов в работе. В первую очередь, повседневные рабочие практики оказалось сложно отделить от практик свободного времени, причем явно не удавалось установить правила в короткие сроки. Например, согласно инструкции 1935 г., дежурный должен был следить, чтобы во время работы на предприятиях треста не было «пьянки и карточной игры», чтобы рабочие и начальники цехов не спали на рабочих местах (1932 г.)⁵⁰. В актах и докладных записках по поводу подобных историй нет указаний на злой умысел,

здесь от провинившегося работника и от всех остальных требовали более внимательного и ответственного отношения к работе.

При этом Секретный отдел то и дело выявлял нештатные ситуации, когда невнимательность была чревата серьезной аварией, порчей оборудования. Увольнение в этом случае можно рассматривать скорее как крайнюю меру. В качестве административных взысканий для рабочих и управленцев на производстве применялся арест прямо на территории предприятия, т. е. своего рода гауптвахта. Специально для этой цели руководителям предприятий треста следовало оборудовать специальное помещение. Разумеется, это не было инициативой «Водоканализации», так как инструкцию о порядке применения административных наказаний разработал Областной отдел труда⁵¹. Однако эта мера наказания периодически применялась в тресте: например, при учениях противовоздушной обороны два бойца не выполнили приказов и «за недисциплинированность» были отправлены под арест на гауптвахту прямо на предприятии (1933 г.)⁵².

Дело нередко доходило до серьезного взыскания или увольнения в случае невнимательности в серьезных для треста делах. Так, молодой электромоторист Мансур Бодриев (20 лет), работавший на базе строймеханизмов треста «Водоканализация», был уволен по сокращению штата ввиду невнимательности и недисциплинированности, приведшей к простоя агрегатов. В вину ему ставили также неучастие и равнодушие к общественной жизни предприятия (1936 г.)⁵³. В целом Секретный отдел запрашивал характеристики на всех работников треста без исключения. В них учитывалось как социальное происхождение, так и отношение к работе, например встречалась формулировка «в работе ленив»⁵⁴. По-видимому, увольняли лишь тех, кто вызывал особенно явные подозрения в политическом или профессиональном плане.

Кроме того, подозрительное отношение к сотрудникам объяснялось также напряженной внешнеполитической ситуацией. Так, план обороны города на случай нападения включал в себя многочисленные мероприятия по защите канализационной сети и водопровода от бомбардировок и возможных террористических атак на земле⁵⁵. В Ленинграде к тому времени уже был опыт терактов, совершенных летом 1927 г. по приказу генерала А. П. Кутепова, главы белогвардейской организации Русский общевоинский союз (РОВС). В целом историки относили «военную тревогу» 1927 года скорее к событиям, искусственно сконструированным властями для того, чтобы обеспечить проведение коллективизации, индустриализации и совершить поворот к плановой экономике⁵⁶. Однако же сами факты террористических атак не отрицаются. Советский историк Л. К. Шкаренков и американская исследовательница О. Велликанова, опираясь на публикации в прессе и архивные материалы (письма, личные дневники, распоряжения, агитационные материалы РОВС, материалы следствия с советской стороны), рассказывают о многочисленных акциях диверсантов в Москве, а также на границах с Польшей и Китаем вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда организация вступила в ряды гитлеровских войск⁵⁷. Во время «военной тревоги» 1927 года свои наиболее громкие акции агенты РОВС совершили в крупных городах: так, в Москве они бросили

бомбу в бюро пропусков ОГПУ (6 июня). Днем позже на вокзале в Варшаве был смертельно ранен посол СССР в Польше П. Л. Войков. Стрелявший в него белоэмигрант Б. С. Коверда сказал, что отомстил тем самым за Россию. Тогда же был произведен взрыв в Центральном партийном клубе в Ленинграде, где проходило заседание философской секции: пострадали около 30 человек. Атака едва ли была связана с темой лекции: американским неореализмом. Террористы, пятеро офицеров-белогвардейцев, были задержаны и позже предстали перед судом. Выяснилось, что все они сотрудничали с иностранными разведками, неоднократно переходили границу с СССР и получали задания от генерала Кутепова. В тот же день (7 июня) в Минске при исполнении обязанностей был убит начальник белорусского ОГПУ И. К. Опанский⁵⁸.

Напряжение предвоенного времени сказывалось в подспудно тлеющих политических кризисах в отношениях с соседними странами: например, с Германией, Польшей (острый кризис 1930 г., конфликт по поводу Западной Украины)⁵⁹ и Финляндией (закончился в итоге Зимней войной 1939–1940 гг.). Определенное напряжение сохранялось и в отношениях с Турцией. Несмотря на то, что СССР активно поддержал режим Кемаля Ататюрка в 1920-х гг.⁶⁰, все же в Турции были активны группы эмигрантов — противников советского строя. Так, неоднократно происходили вооруженные столкновения на границе СССР с Турцией (в Армянской и Грузинской ССР), а ОГПУ — НКВД периодически выявляло антисоветские группы в Закавказье⁶¹. Современные исследователи склонны считать обвинения в шпионаже и подготовке террористических актов скорее надуманными. Подобные дела встречаются, например, в Армении 1930–1940-х гг. довольно часто, но в них, как правило, не указаны признаки состава преступления⁶². Однако же не оспаривается то, что уже на международной конференции в Монтрё (1936 г.) отношения между Турцией и СССР несколько осложнились. Турецкие дипломаты стали лавировать между интересами Великобритании и СССР, а вскоре Турция перешла к агрессивной политике на Ближнем Востоке, что дестабилизировало ситуацию в регионе и могло угрожать интересам СССР⁶³. Граница с Турцией в 1930-х гг. оставалась при этом в значительной мере проницаемой, так как мирное население имело свои интересы в соседних приграничных районах, а беженцы из Турции, прибывшие сюда после геноцида армян (1915 г.), нередко мечтали о возвращении в свои родные города⁶⁴. В дальнейшем дело дошло до депортации западных армян из приграничных территорий (1949 г.)⁶⁵.

Таким образом, опасность террористических актов теоретически сохранялась и была учтена в многочисленных инструкциях и правилах безопасности, связанных в том числе и с защитой объектов треста от возможной атаки диверсантов (особенно активно их разрабатывали в 1932 г.)⁶⁶. В таком контексте подозрения в совершении диверсии падали в первую очередь на людей, которые могли сочувствовать политике Польши, Финляндии, Германии и Турции. Неслучайно Секретный отдел просил подготовить списки немцев, поляков и финнов, татар (не указано — крымских или казанских), грузин и армян. Проверки «бывших» объяснялись, по-видимому, необходимостью выявлять лиц, склонных к саботажу из симпатий к старому режиму в России. Несомненно, подозревать

целые социальные и национальные группы в возможном содействии террористам было неправомерным и несправедливым. Тем не менее в 1920–1930-х гг. у ОГПУ были все же поводы с осторожностью относиться даже к «бывшим» в сфере коммунального хозяйства Ленинграда, в целом относительно далекого и от военно-политических стратегий, и от идеологического фронта.

Так, по-видимому, в одном из трестов коммунального хозяйства трудился организатор одного из «раскрытых» ОГПУ очагов антисоветской деятельности (1932 г.), талантливый литератор М. Д. Бронников. В 1927 г. он организовал несколько неофициальных кружков, т. е. домашних семинаров, посвященных литературе и искусству. Хотя занятия казались безобидными, все же участники обсуждали книги Ф. Ницше, А.-Л. Бергсона, М. Пруста — если еще не запрещенные, то нежелательные в СССР⁶⁷. Многочисленные кружковцы происходили из «бывших», ведь сами занятия подразумевали значительный культурный багаж. Следствие установило, что кружков было несколько, но мало кто из участников знал, что их кружок — не единственное в своем роде небольшое собрание, а лишь звено в целой сети групп и домашних семинаров.

Нужно сказать, что далеко не все кружковцы были аполитичны. Сам Бронников, а также его друг В. П. Рейслер крайне жестко критиковали советские порядки в своих литературных произведениях, Рейслер при этом — Красную армию и отношение к «бывшим»⁶⁸. Еще один знакомый Бронникова, А. А. Крюков, служа в Красной армии, даже вел там прямую антисоветскую пропаганду. Позже он был арестован и осужден, но бежал из мест заключения, пытался перейти границу с Финляндией под именем французского принца Мюрата, сообщил, что готовил террористический акт на Красной площади в Москве. Под давлением следствия, не поверившего этой экстравагантной легенде, он все же назвал свое настоящее имя и был снова этапирован в места заключения⁶⁹.

Впрочем, большинство других кружковцев действительно интересовал скорее предмет их занятий — литература, переводы, искусство. Они обсуждали то или иное явление в области культуры, по очереди готовя доклады. Тем не менее им пришлось пройти через аресты, предварительное заключение, суды. Многие были отпущены за отсутствием состава преступления, но кто-то получил реальный срок. Исследователи, опубликовавшие документы по делу Бронникова, не могут прийти к однозначному выводу о мотивах его деятельности: было ли то желание занять свое место в искусстве, жажда славы или даже провокация. Во всяком случае, родственники одного из обвиняемых по этому делу всю жизнь считали Бронникова виновным в несчастьях своей семьи⁷⁰. Нужно отметить, что его литературные высказывания были смелы и крайне неосторожны — тем более что читателями-современниками стали сотрудники ОГПУ. Так, в одном из рассказов Бронников описывает рутину одного из тихих трестов коммунального хозяйства, в котором, по-видимому, трудился сам: во всяком случае, по выражению старой знакомой, он «служил где-то счетоводом»⁷¹.

Строки сатирической повести М. Д. Бронникова «Две короны ночью» (1931) как будто откликаются на строки рапортов, объяснявших Комиссиям Ленсовета профессиональную непригодность и увольнение сотрудников треста «Водоканализация». Они иллюстрируют обвинение в «полной незаинтересованности».

ванности в общественной жизни» предприятия, его планах и задачах⁷², т. е. раскрывают суть странной юридической категории заинтересованности/незаинтересованности в работе. С одной стороны, это было одной из официальных причин для увольнения, но с другой — выглядит для современных читателей субъективным и трудноустановимым.

Итак, «Две короны ночью» были злой сатирой на советскую пропаганду по поводу производственной культуры и новых идеалов: «Электропух, несмотря на опереточность самого названия, был солидным учреждением. В Электропухе работало свыше тысячи человек: Электропух вечно кипел в котле реорганизаций... деньги платил необыкновенно аккуратно. В определенные числа эти деньги разносили особые молодые сотрудницы, в серых, матерчатых конвертах. Фу, черт. Не сотрудницы были в конвертах, а деньги в конвертах... Николай Николаевич Обухов работал в Электропухе с 9 до 4-х. Он обладал счастливейшим свойством ровно в 4 часа, выйдя на улицу, забывать все то, что имело место с 9 утра и по этот завершительный момент. Словно у волшебного принца, жизнь его обламывалась на две части, как если бы кто-то переломил золотой прут»⁷³. Герой Бронникова не рад, но вынужден служить — и признается в этом без малейшего стеснения, скорее утверждая свою правоту. Как раз против таких настроений выступали в СССР и партийные лидеры, и руководство промышленных предприятий. Так эмоционально описал незаинтересованность в работе автор жалобы на инженеров-«бывших» в тресте «Водоканализация»: «...и плевать им [бывшим] на то, что тресту нужно выпустить тот или иной проект через 2–3 дня»⁷⁴. Характеристики «бывших» не всегда говорили о профнепригодности напрямую — гораздо чаще речь шла о недисциплинированности и равнодушии к общественным делам и работе в целом. Между тем от советского рабочего и сотрудника промпредприятия эпохи индустриализации требовалось самое деятельное участие в работе.

Повесть, так и оставшаяся неопубликованной, была конфискована ОГПУ, а протоколы допросов подтверждали ее автобиографичность и осознанную антисоветскую позицию автора⁷⁵. На допросе 15 марта 1932 г. Бронников давал следующие показания: «Оставаться бездеятельным, пассивным, как это сделали многие из тех, кто, как и я, называются “бывшими”, я не мог. Я вышел из положения так: моя жизнь стала похожей на прут, который переламывается в определенной своей части. До четырех часов дня, ради заработка и материальной помощи семье, я работал в незначительных учреждениях на незначительных должностях, с четырех часов и дальше я полностью принадлежал себе и своим занятиям, интересы которых лежали в области искусства вообще и в частности, и больше всего, в области литературы. Надо сказать, что искусство, при всей внешней кажущейся аполитичности, является одним из сильнейших орудий воздействия на людей»⁷⁶.

Хронологические совпадения между началом дела Бронникова и гонениями на «бывших» в тресте «Водоканализация» (1932 г.) можно считать случайностью — в конце концов, на других предприятиях избавляться от них старались и ранее. Однако политическая позиция Бронникова, выраженная в его «Двух коронах ночью», несомненно, еще раз подтверждала подозрения ОГПУ

в ненадежности и классовых интересах «бывших». С одной стороны, это было смелое политическое и литературное высказывание в условиях ужесточения политического режима. С другой — оно невольно поставило под удар множество людей, в том числе не входивших в круг общения Бронникова и искавших лишь мирной жизни и сотрудничества с советской властью.

Документы Секретного отдела треста «Водоканализация» показывают, что отношения между организацией и работниками в эпоху индустриализации строились на новых принципах. Некоторые из этих принципов менялись по мере обострения политической ситуации, причем их не спешили объяснять людям открыто. Анализ случаев увольнения в тресте показывает, что работник оценивался не только по своему происхождению. Особенно важными характеристиками выступали профессионализм, дисциплинированность, участие в общественной работе, причем бывало и так, что эти три последних характеристики были важнее первой. Враждебное, зачастую необъяснимо-бесчеловечное отношение к «бывшим» и настороженное — к представителям нетитульных народов объяснялось, по-видимому, целым комплексом причин и, кроме того, совершенно несомненно подогревалось целым рядом внешнеполитических факторов. Среди них — не только подготовка к войне или отработка действий на случай террористических атак, но и выявление антисоветски настроенных граждан. Последнее казалось бы чистым вымыслом, если бы лидер одной из таких групп не работал в одной из контор коммунального хозяйства. Сам же Секретный отдел выполнял роль филиала государственной безопасности на производстве с самым широким спектром функций. В частности, он отвечал за охрану территории, надежность кадров, налагал дисциплинарные взыскания. Главной задачей этой сети секретных отделов на производстве был, очевидно, контроль и максимально эффективное стимулирование промышленности в СССР. По-видимому, именно этот орган внедрял жесткие понятия о трудовой дисциплине в промышленности, максимально приближенной к военной.

¹ *Schott D.* Die Vernetzung der Stadt. Kommunale Energiepolitik, öffentlicher Nahverkehr und die «Produktion» der modernen Stadt. Darmstadt — Mannheim — Mainz (1880–1918). Darmstadt, 1999.

² *Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and Death on the Volga, 1823–1914. Abingdon & New York, 2011; *Halliday S.* An Underground Guide to Sewers or: Down, Through and Out in Paris, London, New York. Cambridge, MA, 2019; *Lewis R. A.* Edwin Chadwick and the Public Health Movement (1832–1854). London, 1952; Living and dying in London / Ed. by *W. F. Bynum, R. Porter* // Medical History. Suppl. no. 11. London, 1991; *Wohl A. S.* Endangered lives: Public Health in Victorian Britain. Cambridge, MA, 1983; Urban Disease and Mortality in Nineteenth-Century England / Ed. by *R. Woods, J. Woodward*. London, 1984.

³ *Reid D.* Paris Sewers and Sewermen. Realities and Representations. Cambridge, London, 1993; *Halliday S.* An Underground Guide to Sewers...; *Conlin J.* Tales of two cities. Paris London and the birth of the modern city. Berkeley, 2013; *Barnes D. S.* The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs. Baltimore, 2006.

⁴ *Bater J. H.* St. Petersburg. Industrialization and Change. London, 1976. P. 268; *Bauer T.* «Frankfurt ist rein!» Kanalisation und Stadthygiene vom 16. bis zum 19. Jahrhundert, 1998; *Bauer T.* Im Bauch der Stadt. Kanalisation und Hygiene in Frankfurt am Main 16–19. Jahrhundert. Frankfurt (Main) Univ., Diss., 1996/97; *Lenger F.* Metropolen der Moderne. Eine europäische Stadt-

geschichte seit 1850. München, 2014. S. 50–51, 57–58; *Zimmermann C.* Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung. Frankfurt am Main, 1996. S. 18–19.

⁵ *Engels J. I., Schenk G. J.* Infrastrukturen der Macht — Macht der Infrastrukturen. Überlegungen zu einem Forschungsfeld // Wasserinfrastrukturen und Macht von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. B. Förster, M. Bauch. Berlin; München; Boston, 2015. S. 44–47 (Historische Zeitschrift, Beiheft 63); *Förster B., Bauch M.* Einführung: Wasserinfrastrukturen und Macht. Politisch-soziale Dimensionen technischer Systeme // *Ibid.* S. 15.

⁶ *Beyrau D.* Geiseln und Gefangene eines visionären Projekts: Die russischen Bildungsschichten im Sowjetstaat // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung* / Hrsg. M. Hildermeier. Oldenbourg, 1998. S. 65; *Neutatz D.* Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert. München, 2013. S. 223–225; *Schattenberg S.* Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. München, 2002. S. 70–108 (Ordnungssysteme, Bd. 11); *Wehner M.* Stalinismus und Terror // *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte* / Hrsg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 376–377.

⁷ *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России в 1920–1930-е годы / под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000. С. 151–192; *Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.

⁸ *Lutz M.* Siemens im Sowjetgeschäft: eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933. Stuttgart, 2011. S. 17, 152–168, 198–199, 303–325, 349–356.

⁹ *Малинова-Тзиафета О. Ю., Обертрайс Ю.* История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 1. С. 173–201.

¹⁰ *Дмитриев В. Д., Буренина И. А., Краснов И. А.* Водоснабжение и канализация Ленинграда в период Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 2005.

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7068. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–16.

¹² *Фельштинский Ю., Прибыловский В.* Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. М., 2010. С. 136–137.

¹³ *Тепляков А. Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ — НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // *Урал и Сибирь в сталинской политике.* Новосибирск, 2002. С. 173–185.

¹⁴ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

¹⁵ *Wells H.* Russia in Shadows. London, 1920. P. 18.

¹⁶ *Pessel W. K.* A postsocialist city that looks nice from underneath // *Cities in the USSR and the Eastern Bloc: Urbanization, Ecology and the Municipal Economy (1917–1991).* Paper at the conference, University of Erlangen-Nuremberg, Germany. 20–21 February 2020; *Pessel W. K.* Antropologia niezczystości. Studia z kultury sanitarnej Warszawy XIX i XX wieku. Warschau, 2009; *Mazanik A.* Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow: PhD thesis, Central European University. Budapest, 2015. P. 182–232.

¹⁷ *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 1–3.

¹⁸ *Bater J. H.* St. Petersburg... P. 342–353; *Петербургская городская дума* / под ред. Б. Б. Дубенцова, В. А. Нардовой. СПб., 2005. С. 63–119, 223–252.

¹⁹ *Bérard E.* Pétersbourg impérial: Nicolas II, la ville, les arts (1894–1914). Paris, 2012. P. 139–178; *Малинова-Тзиафета О. Ю.* Из города на дачу: освоение дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 120–141.

²⁰ *Frysztacka C. M.* Zeit-Schriften der Moderne. Zeitkonstruktion und temporale Selbstverortung in der polnischen Presse (1880–1914). Oldenbourg, 2020, S. 9–11; 283–284, 296–297, 313; *Pessel W. K.* Antropologia niezczystości... S. 92.

²¹ ЦГА СПб Ф. 3167. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

²² «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / сост., авт. предисл. и комм. М. В. Ходяков. СПб., 2000. С. 331.

²³ *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus... S. 74–75, 77, 90, 109–110, 132–133, 196–197, 213, 216–217.

- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. 3167. Оп. 1. Д. 90. Л. 22 об.
- ²⁵ Чуйкина С. А. Дворяне на советском рынке труда... С. 167–169.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ²⁷ Чуйкина С. А. Дворяне на советском рынке труда... С. 164–165.
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 2. Д. 6. Л. 55.
- ²⁹ *Beugau D.* Geiseln und Gefangene eines visionären Projekts... S. 65; *Crowe D. M.* Late Imperial and Soviet «Show» Trials, 1878–1938 // *Stalin's Soviet justice: «show» trials, war crimes trials, and Nuremberg* / Ed by D. M. Crowe. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney, 2019. P. 45–49; *Дюллен С.* Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сб. материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.) / отв. ред. С. А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск, 2010. С. 66–73; *Neutatz D.* Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935). Köln, 2001. S. 59; *Neutatz D.* Träume und Alpträume... S. 223–224; *Schattenberg S.* Stalins Ingenieure... S. 85–107; *Wehner M.* Stalinismus und Terror... S. 376–377.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 5. Л. 44–45, 55, 65, 66, 91, 112, 144–146, 151.
- ³¹ Там же. Д. 26. Л. 57; Д. 27. Л. 1–9, 11, 12, 14, 22, 25, 55.
- ³² Там же. Д. 27. Л. 50.
- ³³ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 02.04.2021).
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
- ³⁵ Там же. Д. 29. Л. 56–57, 97.
- ³⁶ Там же. Д. 27. Л. 129.
- ³⁷ Там же. Д. 26. Л. 13, 14, 16; Д. 28. Л. 2, 61.
- ³⁸ Там же. Д. 29. Л. 8, 9, 10, 12, 23, 67.
- ³⁹ Там же. Д. 28. Л. 39.
- ⁴⁰ Там же. Д. 29. Л. 120.
- ⁴¹ Там же. Л. 51, 101.
- ⁴² Там же. Д. 26. Л. 59.
- ⁴³ Там же. Д. 22. Л. 48.
- ⁴⁴ *Чуковская Л.* Софья Петровна. Спуск под воду: Повести. М., 1988. URL: <https://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/povesti-i-rasskazy/lidiya-chukovskaya-sofya-petrovna> (дата обращения: 02.04.2021).
- ⁴⁵ Чуйкина С. Дворяне на советском рынке труда... С. 169.
- ⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же. Д. 27. Л. 137.
- ⁴⁸ Там же. Д. 23. Л. 75.
- ⁴⁹ Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» (28 декабря 1938 г.) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т. 2: 1929–1940 гг. М., 1967. С. 665–672.
- ⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 26. Л. 27.
- ⁵¹ Там же. Л. 19.
- ⁵² Там же. Д. 15. Л. 333.
- ⁵³ Там же. Д. 29. Л. 10, 12.
- ⁵⁴ Там же. Д. 16. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Д. 15. Л. 90.
- ⁵⁶ *Лившин А. Я.* «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 50. С. 190–206; *Meuser A. G.* The great war scare of 1927. Soviet Union/Union Soviétique 5:1 (1978), S. 1–27; *Velikanova O.* Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers. London, 2013. С. 45–117.

⁵⁷ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1987; *Velikanova O.* Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s.

⁵⁸ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции... С. 153–160.

⁵⁹ *Ken O.* «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. XXXV (1999). P. 41–74. [«Военная тревога» весны 1930 г. и советско-польские отношения]. URL: http://olegken.ru/work/hid/article/Voennaia_trevoga_vesny_1930_g.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

⁶⁰ *Kurban V.* Russian-Turkish Relations from the First World War to the Present. Cambridge, 2017. С. 37–60.

⁶¹ *Айранетов О. Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М., 2020. С. 325–326.

⁶² *Харатьян Г. С.* Выселение армян «навечно» 1949 года. Доклад на семинаре кафедры Нового и новейшего времени с углубленным изучением Восточной Европы проф. Юлии Обертрайс (Университет Эрлангена и Нюрнберга, Германия), 28 апреля 2021 г. URL: <https://www.iae.am/sites/default/files/database/ВЫСЕЛЕНИЕ%20АРМЯН%20«НАВЕЧНО»%201949%20ГОДА..pdf>

⁶³ *Kurban V.* Russian-Turkish Relations from the First World War to the Present. Cambridge, 2017. С. 65–67.

⁶⁴ *Харатьян Г. С.* Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей памяти (на примере геноцида армян) // *Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве*. Барнаул, 2017. С. 126–154.

⁶⁵ *Аблажей Н. Н.* Тема османской и советской депортаций в коллективной памяти армян-репатриантов // Там же. С. 110–111.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4.

⁶⁷ *Громова Н., Вахтина П., Позднякова Т.* Дело Бронникова: «О контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов № 249-32». М., 2019. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=12 (дата обращения: 02.04.2021).

⁶⁸ Там же. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=26 (дата обращения: 02.04.2021).

⁶⁹ Там же. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=31, http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=34 (дата обращения: 02.04.2021).

⁷⁰ Там же. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=29 (дата обращения: 02.04.2021).

⁷¹ Там же. URL: <https://knizhnik.org/tatjana-pozdnjakova/delo-bronnikova/8> (дата обращения: 02.04.2021).

⁷² ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

⁷³ *Громова Н., Вахтина П., Позднякова Т.* Дело Бронникова... URL: <https://knizhnik.org/tatjana-pozdnjakova/delo-bronnikova/8> (дата обращения: 02.04.2021).

⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. 7068. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

⁷⁵ *Громова Н., Вахтина П., Позднякова Т.* Дело Бронникова... URL: <https://knizhnik.org/tatjana-pozdnjakova/delo-bronnikova/8> (дата обращения: 02.04.2021).

⁷⁶ Там же. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79222&p=10 (дата обращения: 02.04.2021).

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Малинова-Тзиафета О. Ю. Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 — первая половина 1930-х гг.) // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 4. С. 947–964. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.407>
УДК 94(47).084

Аннотация: В статье речь идет о напряженных отношениях между государством, дирекцией и работниками промышленных предприятий, в данном случае — треста «Водоканализация». Трест занимался проектированием, строительством и эксплуатацией водопровода и канализации — важнейших систем модернизации городского пространства. Очевидно, что вслед за техническими новшествами должны были следовать и социальные изменения. Они могли иметь свою специфику по отношению к другим предприятиям, так как трест не относился к важнейшим отраслям промышленности. Так, в частности, постепенно все более важную роль в управлении предприятием начинает играть так называемая Секретная часть или Секретный отдел, своеобразный филиал ОГПУ — НКВД. Статья основана на материалах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, треста «Водоканализация», Секретного отдела. Посредством Секретного отдела в конце 1920-х — 1930-х гг. здесь внедрялись новые принципы приема и увольнения с работы, а также наложения дисциплинарных взысканий. В зоне особенного внимания отдела оказались так называемые «бывшие люди», а также представители некоторых народов. Все это происходило в условиях острого дефицита квалифицированной рабочей силы в Ленинграде. Таким образом, интересы экономического развития государства вступали в противоречие с другими интересами, которые в литературе обозначаются как «идеологические» и редко анализируются подробно. В ходе анализа удалось установить, что эти последние были не слишком тесно связаны с идеологией. Напротив, на первый план выходит воспитание трудовой дисциплины, а также внутри- и внешнеполитические события. Кроме того, в статье обсуждается реальное дело об антисоветской агитации, центральным фигурантом которого был работник коммунального хозяйства Ленинграда. Так на примере треста «Водоканализация» исследуется роль ОГПУ — НКВД в развитии советской промышленности 1930-х гг.

Ключевые слова: водные инфраструктуры, городская история, сталинизм, ОГПУ, НКВД, промышленность, индустриализация, «военная тревога» 1927 года, коммунальные службы.

Сведения об авторе: *Малинова-Тзиафета О. Ю.* — канд. ист. наук, науч. сотр., Университет Фридриха — Александра в Эрлангене и Нюрнберге (Германия); olga.malinova@fau.de

Университет Фридриха — Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Германия, 91054, Эрланген, Шлоссплац, 4

FOR CITATION

Malinova-Tziafeta O. Yu. 'Control by the Special Services in the Communal Services of Leningrad and the Labor Discipline (1918 — beginning of the 1930s)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 947–964. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.407> (In Russian)

Abstract: The article examines tense relations between the state, managers, and employees of industrial enterprises, concretely at the Vodokanalizatsiya Trust. The trust was engaged in the design, construction, and operation of water supply and sewage systems, the most important systems for modernizing urban space in the whole of Europe. Technological innovations were to be followed by social changes that could have their own specific traits in relation to other enterprises, since the trust did not belong to any of the most important branches of Soviet industry. Materials from the Central State Archives of St. Petersburg regarding activities of this department in the “Vodokanalizatsiya” trust show that a so-called Secret Department (*Sekretnaya chast*) or Secret Police, a branch of the OGPU — NKVD, gradually began to play an increasingly important role in managing these enterprises. Through these Secret Departments, new principles of hiring and dismissal from work, as well as imposing disciplinary sanctions, were introduced in the late 1920s. The special attention of the Secret Department was received by so-called “former people,” as well as by representatives of peoples. All this took place under conditions of an acute shortage of skilled labor in Leningrad. Thus, the state’s interests in economic development came into conflict with other interests, which in state literature are labelled as “ideological” and are rarely analyzed in detail. The article discusses the real case of anti-Soviet agitation, of which the central figure was a worker in the communal services of Leningrad. Thus, the role of the OGPU — NKVD in the development of the Soviet industry in the 1930s is studied using the example of the Vodokanalizatsiya Trust.

Keywords: water infrastructures, urban history, Stalinism, OGPU, NKVD, industry, industrialization, “War Scare” of 1927, public utility.

This research was supported by the German foundation Die Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG).

Author: Malinova-Tziafeta O. Yu. — PhD in History, Research Fellow, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (Erlangen-Nürnberg, Germany); olga.malinova@fau.de

Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, 4, Schlossplatz, Erlangen, 91054, Germany

References:

- Ablazhej N. N. 'The theme of the Ottoman and Soviet deportations in the collective memory of the repatriated Armenians' in *Ustnaia istoriia (Oral history) v sovremennoi issledovatel'skoi praktike na postsovetskom prostranstve* (Barnaul, 2017). (In Russian)
- Ayrapetov O. R. *Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the origins of the Second World War* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Barnes D. S. *The Great Stink of Paris and the Nineteenth-Century Struggle against Filth and Germs* (Baltimore, 2006).
- Bater J. H. *St. Petersburg. Industrialization and Change* (London, 1976).
- Bauer T. "Frankfurt ist rein!" *Kanalisation und Stadthygiene vom 16. bis zum 19. (Frankfurt am Main, 1998).*
- Bauer T. *Im Bauch der Stadt. Kanalisation und Hygiene in Frankfurt am Main 16–19* [PhD Dissertation] (Frankfurt am Main, 1996/97).
- Bérard E. *Pétersonbourg impérial: Nicolas II, la ville, les arts (1894–1914)* (Paris, 2012).
- Beyrau D. 'Geiseln und Gefangene eines visionären Projekts: Die russischen Bildungsschichten im Sowjetstaat' in *Hildermeier M. (Hrsg.) Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung* (Oldenbourg, 1998).
- Bynum W. F., Porter R. (eds) *Living and dying in London* (London, 1991).
- Chujkina S. 'Nobles on the Soviet labor market (Leningrad, 1917–1941)' in *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni. Stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii v 1920–1930-e gody*, ed. by Timo Vihavajnen (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Chujkina S. *Noble memory: the "former people" in the Soviet city (Leningrad, 1920–30s)* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Chukovskaja L. *The Deserted House. Going Under* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Conlin J. *Tales of two cities. Paris London and the birth of the modern city* (Berkeley, 2013).
- Crowe D. M. 'Late Imperial and Soviet 'Show' Trials, 1878–1938' in *Stalin's Soviet justice: "show" trials, war crimes trials, and Nuremberg*, ed. by D. M. Crowe (London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney 2019).
- Dmitriev V. D. *The history of the development of water supply and sewerage in St. Petersburg* (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Dmitriev V. D., Burenina I. A., Krasnov I. A. *Water supply and sewerage of Leningrad during the Great Patriotic War (1941–1945)*. (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Dubentsov B. B., Nardova W. A. *The St. Petersburg Gorodskaya Duma (1846–1918)* (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Dullen S. 'The role of the international issue in political processes in the USSR. "Shakhty affair" and Soviet foreign policy' in Blum A., Krasilnikov S. *Sudebnye politicheskie protsessy v SSSR i kommunisticheskikh stranakh Evropy. Sravnitel'nyi analiz mekhanizmov i praktik provedeniia* (Novosibirsk, 2010). (In Russian)
- Engels J. I., Schenk G. J. 'Infrastrukturen der Macht — Macht der Infrastrukturen. Überlegungen zu einem Forschungsfeld' in Förster B., Bauch M. (Hg.) *Wasserinfrastrukturen und Macht von der Antike bis zur Gegenwart*. Historische Zeitschrift, Beiheft 63 (Berlin; München; Boston, 2015).
- Felshinskiy Yu., Pribylovskiy V. *The Corporation. Russia and the KGB during the time of President Putin* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Förster B., Bauch M. 'Einführung: Wasserinfrastrukturen und Macht. Politisch-soziale Dimensionen technischer Systeme' in Förster B., Bauch M. (Hg.) *Wasserinfrastrukturen und Macht von der Antike bis zur Gegenwart*. Historische Zeitschrift, Beiheft 63 (Berlin; München; Boston, 2015).
- Frysztacka C. M. *Zeit-Schriften der Moderne. Zeitkonstruktion und temporale Selbstverortung in der polnischen Presse (1880–1914)* (Oldenbourg, 2020).
- Gromova N., Vakhtina P., Pozdnyakova T. *The case of Bronnikov: "On the counter-revolutionary organization of fascist youth circles and anti-Soviet literary salons no. 249-32"* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Halliday S. *An Underground Guide to Sewers or: Down, Through and Out in Paris, London, New York* (New York, 2019).

- Haratyan G. S. 'The politics of conquering memory, or "ordered to forget": the transformation of memory into a social and family "secret" and a weapon against memory carriers (on the example of the Armenian Genocide)' in *Ustnaja istorija (Oral history) v sovremennoj issledovatel'skoj praktike na postsovetskom prostranstve* (Barnaul, 2017). (In Russian)
- Hardy A. *The epidemic streets: Infectious disease and the rise of preventive medicine (1856–1900)* (Oxford, 1993).
- Henze Ch. E. *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and Death on the Volga (1823–1914)* (Abingdon & New York, 2011).
- Khodjakov M. V. "Fever and triumphant city". *Petrograd: From "War Communism" to New Economic Policy: Documents and Materials* (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Kurban V. *Russian-Turkish Relations from the First World War to the Present* (Cambridge, 2017).
- Lenger F. *Metropolen der Moderne. Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850* (München, 2014).
- Lewis R. A. *Edwin Chadwick and the Public Health Movement (1832–1854)* (London, 1952).
- Livshin A. Ya. "'War scare" of 1927 and public sentiments in the Soviet Union', *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, iss. 50, 2015. (In Russian)
- Lutz M. *Siemens im Sowjetgeschäft: eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933* (Stuttgart, 2011).
- Malinova-Tziafeta O. Ju. *From the city to the dacha: socio-cultural factors of the development of the dacha belt around St. Petersburg (1860–1914)* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Mazanik A. *Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow* [PhD Thesis] (Budapest, 2015).
- Meyer A. G. 'The great war scare of 1927', *Soviet Union/Union Soviétique*, 5:1, 1978.
- Narskiy I. V. *Life in a disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Neutatz D. *Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935)* (Köln, 2001).
- Neutatz D. *Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert* (München, 2013).
- Obertreis J. *Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937* (Köln, Weimar, Wien, 2004).
- Obertreis J., Malinova-Tziafeta O. 'Urban History and Water Infrastructures in the Russian Empire and the Soviet Union', *Modern History of Russia*, Vol. 9. no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.111> (In Russian)
- Pessel W. K. *Antropologia nieczystości. Studia z kultury sanitarnej Warszawy XIX i XX wieku* (Warsaw, 2009).
- Reid D. *Paris Sewers and Sewermen. Realities and Representations* (Cambridge, London, 1993).
- Schattenberg S. *Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren* (Ordnungssysteme, Bd. 11) (München, 2002).
- Schott D. *Die Vernetzung der Stadt. Kommunale Energiepolitik, öffentlicher Nahverkehr und die „Produktion“ der modernen Stadt. Darmstadt — Mannheim — Mainz (1880–1918)* (Darmstadt, 1999).
- Shkarenkov L. K. *The agony of the white emigration* (Moscow, 1987). (In Russian)
- Tepljakov A. G. *Institute of deputy chiefs of political departments for the work of the OGPU — NKVD in the MTS and state farms of Siberia in the mid — 1930s. Ural and Siberia in Stalinist politic* (Novosibirsk, 2002). (In Russian)
- Urban Disease and Mortality in Nineteenth-Century England*, eds R. Woods, J. Woodward (London, 1984).
- Velikanova O. *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers* (London, 2013).
- Wehner M. 'Stalinismus und Terror' in Plaggenborg S. (Hrsg.) *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte* (Berlin, 1998).
- Wells H. *Russia in Shadows* (London, 1920).
- Wohl A. S. *Endangered lives: Public Health in Victorian Britain* (Cambridge, Massachusetts, 1983).
- Zimmermann C. *Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung* (Frankfurt am Main, 1996).

Received: April 28, 2021

Accepted: September 6, 2021